

ТЕОРИЯ ПРАВА И ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 347.1

О ПРЕЗУМПЦИИ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Ю.В. Виниченко

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, 664003, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются дискуссионные вопросы, связанные с пониманием и применением презумпции добросовестности. В частности, предпринимается сопоставительный анализ презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений и гражданско-правового принципа добросовестности, в результате чего делается вывод о необходимости их разграничения, аргументированный указанием на различные существенные свойства и функциональное назначение правовых презумпций и принципов права. Исследуется вопрос о сфере применения рассматриваемой презумпции. Автор подвергает сомнению общий характер презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений и допустимость распространения её на случаи виндикации, ключевое препятствие для этого усматривая в текстуальном помещении правовой нормы, закрепляющей данную презумпцию, в статью 10 Гражданского кодекса Российской Федерации «Пределы осуществления гражданских прав». В контексте вопроса о сфере действия презумпции добросовестности обращается внимание также на презумпцию добросовестности налогоплательщиков; обосновывается тезис о наличии системной связи между указанной презумпцией и презумпцией добросовестности участников гражданских правоотношений, в связи с чем отмечается необходимость рассмотрения презумпции добросовестности с более широких – межотраслевых – позиций и предлагается именовать её при таком подходе презумпцией добросовестности субъектов гражданского оборота.

Ключевые слова: добросовестность, правовые презумпции, презумпция добросовестности, принцип добросовестности, презумпция добросовестности участников гражданских правоотношений, ст. 10 ГК РФ, виндикация, презумпция добросовестности налогоплательщиков, гражданский оборот, презумпция добросовестности субъектов гражданского оборота

Несмотря на то что категория добросовестности неоднократно становилась предметом цивилистических исследований, многие вопросы, связанные с её интерпретацией и применением, продолжают оставаться дискуссионными. Среди них блок вопросов о *презумпции добросовестности*: в частности, о её

содержании и сфере применения, а также соотношении с принципом добросовестности. Анализ указанных аспектов заявленной темы, актуальность исследования которых обусловлена в том числе относительно недавними изменениями соответствующих законодательных положений и руководящих разъяснений высших судебных инстанций, и посвящена настоящая работа.

1. Соотношение презумпции добросовестности и принципа добросовестности

С момента вступления в действие «Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик» 1991 г. презумпция добросовестности в отечественном гражданском праве является легальной (см. п. 3 ст. 6 ОГЗ). С 1 марта 2013 г., когда вступил в действие Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ (далее – 302-ФЗ), она зафиксирована в п. 5 ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) следующим образом: добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются.

С 1 же марта 2013 г. добросовестность, как известно, получила своё закрепление в ст. 1 ГК РФ также в качестве принципа гражданского права (точнее, в качестве основного начала гражданского законодательства). Но ещё до отмеченной легализации принцип добросовестности выделяли в отечественной доктрине. При этом достаточно широкое признание получила точка зрения, согласно которой добросовестность следует относить к принципам-презумпциям (либо презумпциям-принципам) (см., например, [1, с. 328–329; 2, с. 3, 11; 3, с. 9, 18–19]).

Можно заметить, что указанную позицию разделяют и отдельные зарубежные авторы. Так, Ф. Терре, анализируя принцип добросовестности в контексте вопроса об основных началах французского контрактного права, приводит правило ст. 2274 Французского гражданского кодекса, согласно которому добросовестность всегда презюмируется, и именно тому, кто ссылается на недобросовестность, надлежит её доказывать¹; учёный заключает, что «это особенное положение вместе с другими переходит в разряд принципов конституционного значения: везде предполагается добросовестность. Она – естественный оплот свободы, если не следствие порядочности»² [4, с. 320]. Более того, понимание принципа добросовестности как презумпции в отдельных государствах получило законодательное закрепление. Например, в ст. 2 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК РБ) «Основные начала гражданского законодательства» в перечне принципов, определяющих и регламентирующих гражданские отношения, указано: добросовестность и разумность участников гражданских правоотношений предполагается, поскольку не установлено иное (принцип добросовестности и разумности участников гражданских правоотношений). Буквальное толкование приведённой формулировки позволяет заключить: во-первых, добросовестность и разумность рассматриваются в качестве

¹ La bonne foi est toujours présumée, et c'est à celui qui allègue la mauvaise foi à la prouver (ФГК).

² Авторы перевода – А.А. Бубнов, И.В. Немцов.

одного (общего, единого) принципа³, а во-вторых, суть данного принципа составляет презумпция добросовестности и разумности участников гражданских правоотношений.

Подобному восприятию, полагаем, обоснованно противостоит позиция, согласно которой *добросовестность не может одновременно рассматриваться и как принцип права, и как правовая презумпция*. В цивилистике данный тезис отстаивает, в частности, Т.В. Дерюгина [5, с. 242]; то, что правило о добросовестности лиц, закреплённое в ст. 10 ГК РФ, не является принципом гражданского права, отмечает А.В. Волков [6, с. 277]; как корреспондирующие друг другу, но «абсолютно разные понятия» рассматривает принцип и презумпцию добросовестности участников конституционных правоотношений С.А. Мосин [7, с. 12, 18–20].

В качестве аргумента при этом справедливо указывают на *опровержимый характер презумпций* (см., например, [5, с. 217, 243; 7, с. 12]) – свойство, которое принципам права как наиболее общим руководящим положениям права [8, с. 74], основным началам гражданско-правового регулирования общественных отношений [9, с. 27], действительно, присуще быть не может. В противном случае придётся признать, что определённый принцип права, в частности принцип добросовестности, может быть опровергнут или, по крайней мере, подвергнут сомнению, а это не только не способствует решению проблем, возникающих при его реализации, но и подрывает, как представляется, всю систему «концептуальных оснований» (выражение Н.П. Асланян [10, с. 33]) права и, таким образом, правопорядок в целом.

К числу доводов в пользу необходимости разграничения презумпции добросовестности и принципа добросовестности можно добавить также указание на их различное *функциональное назначение*. В прикладном аспекте принципам права отводится важная роль непосредственного регулирования общественных отношений, включающего оценку правомерности последних и разрешение возможных конфликтов между их участниками (см., например, [8, с. 74; 9, с. 27]), в то время как основное функциональное назначение правовых презумпций – вероятностных опровержимых предположений о фактах, основанных на статистически закономерной взаимосвязи между имеющимся фактом и предполагаемым (см. [11, с. 14; 12, с. 121; 13, с. 34, 43]), на наш взгляд, является несколько иным и состоит в *облегчении процесса доказывания* (см., например, [14, с. 62–63]), а также в *упрощении (облегчении) гражданского оборота* как сферы удовлетворения индивидуальных потребностей членов общества. Впрочем, в юридической (преимущественно общетеоретической) науке немало сторонников точки зрения, согласно которой правовые презумпции выполняют и регулятивную функцию. Так, М.Л. Давыдова отмечает, что законодатель с помощью правовой презумпции «устанавливает общее правило регулирования, а правоприменитель определяет развитие конкретного правоотношения» [15, с. 162];

³ Как представляется, на это указывает форма единственного числа термина «принцип», использованная в норме ст. 2 ГК РФ; в то же время в иных нормах кодекса содержится выражение «принципы добросовестности и разумности» (п. 3 ст. 573, абз. 2 ст. 633), в связи с чем позиция белорусского законодателя по поводу соотношения добросовестности и разумности как принципов гражданского права остаётся не вполне ясной. Заметим, что вопрос о соотношении принципа добросовестности с разумностью и справедливостью в российской цивилистической доктрине также является дискуссионным.

рассмотрение вопроса о соотношении правовых презумпций с принципами права исследователь завершает выводом, в соответствии с которым «каждая презумпция является по природе своей принципом – принципом разрешения конкретной ситуации неопределённости» [15, с. 165]. По мнению М.П. Прониной, для регулирования общественных отношений презумпции имеют как юридико-прикладное (использование в правоприменительной практике), так и юридико-техническое функциональное значение; их регулятивная функция проявляется в случаях, «когда презумпции являются принципами права» [16, с. 21].

Бесспорно, получая законодательное закрепление, определённая презумпция, в том числе презумпция добросовестности, вовлекается в механизм правового регулирования. Вместе с тем нормативным правовым предписанием, *содержательно определяющим модель поведения участников правоотношений, конкретную меру их возможного и должного поведения*, то есть собственно правовой нормой, она, тем не менее, не является, о чём свидетельствует хотя бы тот факт, что участниками правоотношений – адресатами устанавливаемых материально-правовых норм – презумпции, с нашей точки зрения, *a priori* нарушены быть не могут. Отмеченную собственно регулятивную функцию в праве выполняет принцип добросовестности, предписывающий субъектам обязанность добросовестного (честного, добропорядочного) поведения, нарушение которой, в свою очередь, сопряжено с негативными правовыми последствиями.

В данной связи особого внимания заслуживает вопрос о содержании принципа добросовестности, с одной стороны, и презумпции добросовестности – с другой.

2. Содержание презумпции добросовестности

Начнём с указания на то, что в цивилистической доктрине выделяют добросовестность в объективном и субъективном смыслах: в первом случае (объективная добросовестность) она трактуется как «внешнее мерило», масштаб, стандарт оценивания поведения субъектов; во втором (субъективная добросовестность) – как осведомлённость (знание или незнание) конкретного лица о каких-либо фактических обстоятельствах, извинительное незнание о фактах или правах других лиц (см. [17, с. 56; 18, с. 13; 19, § 2 ч. I; 20, с. 3; 21, с. 7; 22, с. 21–24; 23; 24, с. 111–112]). И если с указанных позиций не вызывает сомнений, что в ст. 1 ГК РФ закрепляется объективная добросовестность (явно абсурдным был бы вывод о том, что в соответствии с принципом добросовестности участники гражданских правоотношений должны извинительно не знать об определённых фактах или правах других лиц), то относительно нормы п. 5 ст. 10 ГК РФ, устанавливающей презумпцию добросовестности, такая однозначность отсутствует.

Так, Е.В. Богданов, полагая, что правило ст. 10 ГК РФ о презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений распространяется и на те ситуации, когда в норме права поведение участника характеризуется как недобросовестное, отмечает: «...Понятие недобросовестности является составным, включающим в себя оценку поведения участника правоотношения как с объективной, так и с субъективной стороны» [25]. Иной позиции придерживается, например, Е.А. Суханов, который, указывая на действие презумпции

добросовестности в контексте анализа ст. 302 ГК РФ, обращает внимание на то, что «в рассматриваемой ситуации речь идёт о так называемой **субъективной добросовестности**, т. е. не о добросовестности как этической, нравственной категории, служащей для оценки поведения участников гражданских правоотношений (как она понимается в п. 3 ст. 1 ГК РФ), а о добросовестности в смысле **фактического незнания** об обстоятельствах, препятствующих законному отчуждению вещи» [26, § 2 гл. 8 разд. IV].

На наш взгляд, в равной мере допустимо интерпретировать презумпцию добросовестности и как предположение извинительного незнания определённым лицом каких-либо фактов и обстоятельств (предположение субъективной добросовестности), и как предположение того, что участники гражданских правоотношений соблюдают принцип добросовестности, то есть действуют добросовестно при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и исполнении гражданских обязанностей (предположение объективной добросовестности).

Итак, учитывая сущностные свойства, а также функциональную роль правовых презумпций и принципов права, *презумпцию добросовестности участников гражданских правоотношений, закреплённую в ст. 10 ГК РФ, необходимо ограничивать от провозглашённого в ст. 1 ГК РФ гражданско-правового принципа добросовестности*, имея в виду в том числе нетождественность их содержания (в ст. 1 ГК РФ добросовестность понимается в объективном смысле, в то время как презумпция добросовестности может означать предположение как субъективной, так и объективной добросовестности субъектов).

3. Сфера действия презумпции добросовестности

1. Прежде всего речь идёт о пределах применения презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений, которая, повторим, зафиксирована в ст. 10 ГК РФ.

Вследствие законодательных поправок редакция нормы, закрепляющей данную презумпцию, претерпела изменения, что сразу же нашло отражение в юридической литературе⁴. В частности, новая редакция соответствующей нормы была оценена как долгожданная новелла, вследствие которой в ст. 10 ГК РФ «**введена** (полу жирное выделение наше. – Ю.В.) *презумпция добросовестности*» [30, с. 15] (см. также [31, с. 175; 24, с. 86]), охарактеризованная как «*общая*»⁵ (здесь и далее курсив наш. – Ю.В.) презумпция добросовестности *действий* участников *гражданского оборота*, которая, к сожалению, отсутствовала в прежнем гражданском законодательстве» [33, с. 15].

Не можем не указать на некоторые неточности, содержащиеся в вышеприведённых суждениях. В первую очередь вызывает возражения утверждение,

⁴ Впрочем, можно привести множество примеров, когда, освещая вопрос о презумпции добросовестности, отечественные правоведы либо опираются на старую редакцию ст. 10 ГК РФ (см., например, [27, § 3 гл. 2]), либо до сих пор ссылаются на п. 3 (а не п. 5) ст. 10 ГК РФ (см., например, [24, с. 94; 28]), либо, верно указывая актуальный номер пункта ст. 10 ГК РФ, текстуально воспроизводят ранее действовавшую редакцию соответствующей нормы (см., например, [29, п. 6 комментария к ст. 10 ГК РФ]).

⁵ В юридической литературе можно встретить и такое понятие, как «*полная* презумпция добросовестности» (противопоставляется «*частичной* презумпции добросовестности», действовавшей до внесения изменений в ст. 10 ГК РФ) [32].

что презумпция добросовестности была именно *введена* (то есть появилась впервые) в ст. 10 ГК РФ с принятием 302-ФЗ, поскольку она закреплялась в данной статье кодекса ранее, хотя и в иной формулировке. Кроме этого, неточным является обозначение рассматриваемой презумпции: и в ранее действовавшей, и в новой редакции ст. 10 ГК РФ буквально говорится о презумпции добросовестности (1) *участников* (2) *гражданских правоотношений*, а не о презумпции добросовестности их *действий* (термин «действие» относится к презумпции разумности) либо презумпции добросовестности участников *гражданского оборота* (убеждены, что понятие «участник гражданского оборота» по сравнению с понятием «участник гражданских правоотношений» является более широким, поскольку включает в свой объём участников *всех отношений, образующих гражданский оборот*, то есть урегулированных нормами не только гражданского, но и иных отраслей права).

Однако в целом можно согласиться с тем, что *новая формулировка правила о презумпции добросовестности*, действительно, даёт основания для вывода о расширении сферы действия последней. Так, в прежней редакции ст. 10 ГК РФ (в п. 3) устанавливалось: *в случаях, когда закон ставит защиту гражданских прав в зависимость от того, осуществлялись ли эти права разумно и добросовестно*, разумность действий и добросовестность участников гражданских правоотношений предполагаются. Исходя из этого, учёными делалось обоснованное, на наш взгляд, заключение об отсутствии на тот момент в ГК РФ общей презумпции добросовестности, об ограничении сферы действия презумпции добросовестности исключительно теми случаями, когда закон ставит защиту гражданских прав участника гражданских правоотношений в зависимость от его добросовестности (см., например, [34, с. 21])⁶. Теперь такие ограничения из текста закона исключены, вследствие чего, *на первый взгляд*, презумпция добросовестности обрела отмеченный «общий» характер, что подтверждает и разъяснение Верховного суда Российской Федерации (далее – ВС РФ), содержащееся в Постановлении Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». В частности, в абз. 3 п. 1 названного Постановления указано следующее: оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации; далее, *назвав норму п. 5 ст. 10 ГК РФ общим правилом*, высший судебный орган отметил, что согласно этому правилу добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются, пока не доказано иное (ППВС).

Между тем констатация столь широкой сферы действия данной презумпции (а признание её общего характера означает, что она подлежит применению ко всем гражданским правоотношениям) вызывает некоторые сомнения и возражения. А именно следует обратить внимание на то место, которое отведено

⁶ Заметим, что, по мнению отдельных авторов, законодательная формулировка и (новой) нормы п. 5 ст. 10 ГК РФ «по сути, содержит правило о том, что добросовестность имеет юридическое значение только в тех случаях, когда это прямо предусмотрено законом» [35, с. 134].

правилу, устанавливающему предположение добросовестности участников гражданских правоотношений, в общей системе гражданско-правовых норм. Будучи закреплённой в ст. 10 ГК РФ «Пределы осуществления гражданских прав», презумпция добросовестности, как представляется, должна распространяться *только* на случаи *осуществления субъективных гражданских прав* (и, по аналогии, *исполнения юридических обязанностей*) и не касаться иных стадий динамики субъективных прав и обязанностей – их возникновения (установления) и прекращения, а также реализации охраняемых законом интересов. Желая распространить действие презумпции добросовестности на случаи установления и прекращения прав и обязанностей, реализацию и защиту охраняемых законом интересов, законодательно, полагаем, следовало закрепить её не в ст. 10, а (как вариант) в ст. 1 ГК РФ, непосредственно после норм п. 3 и 4 данной статьи, устанавливающих принцип добросовестности, содержательно, повторим, сводящийся к обязанности субъектов действовать добросовестно (честно, добросовестно).

Главным образом по отмеченной – юридико-технической – причине безосновательным представляется распространение презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений и на случаи виндикации.

Как известно, значение правовых презумпций состоит в том числе в распределении бремени доказывания, в освобождении лица, в пользу которого презумпция установлена, от необходимости доказывать презюмируемое обстоятельство. Применение презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений к случаям истребования собственником или иным титульным владельцем (ст. 301, 305 ГК РФ) своего имущества из чужого незаконного владения, таким образом, должно означать предположение добросовестности возмездного приобретателя (незаконного владельца) вещи и, соответственно, возложение бремени опровержения данного обстоятельства на собственника (титульного владельца), изначально находящегося в положении «пострадавшей» стороны как лишившейся владения собственной вещью помимо своей воли.

Кроме того, что такой подход не является бесспорным с точки зрения общеправового принципа справедливости, он уязвим прежде всего с формально-юридических позиций. Так, анализируя ранее действовавшую редакцию нормы о презумпции добросовестности (напомним, была закреплена в п. 3 ст. 10 ГК РФ и устанавливала, что добросовестность участников гражданских правоотношений предполагается в случаях, когда закон ставит защиту гражданских прав в зависимость от того, осуществлялись ли эти права разумно и добросовестно), А.А. Новосёлова усомнилась в правильности применения к незаконному владельцу данной презумпции, совершенно верно акцентировав внимание на таком обстоятельстве: исходя из буквального смысла п. 3 ст. 10 ГК РФ, «следует, что презумпция доброй совести существует лишь постольку, поскольку *защищается право* (курсив наш. – Ю.В.)», в то время как ответчик в рамках виндикационного иска защищает свой *интерес*, а не субъективное право [36, с. 106]. Позволим себе утверждать, что, несмотря на текстуальное изменение редакции правила, закрепляющего в ГК РФ презумпцию добросовестности участников гражданских правоотношений, изложенные выше сомнения и выводы сохраняют свою принципиальную актуальность и на настоящий момент, поскольку,

как и прежде, противостоящий собственнику (титульному владельцу) возмездный приобретатель вещи в любом случае является незаконным *владельцем* и, следовательно, лицом, никаких субъективных гражданских *прав* в данном правоотношении, на наш взгляд, не имеющим⁷. В связи с этим всё так же отсутствуют основания применения к нему как в общем правил ст. 10 ГК РФ, устанавливающих пределы *осуществления*, очевидно, *имеющихся у лица* гражданских *прав*, так и (частной) нормы, помещённой законодателем в данную статью – правила п. 5, закрепляющего предположение добросовестности участников гражданских правоотношений.

То, что презумпция добросовестности, зафиксированная в ст. 10 ГК РФ, не распространяется на добросовестных приобретателя и владельца, упоминаемых в ст. 302 и 303 ГК РФ, не раз отмечалось и иными отечественными правоведом (см., например, обзор доктринальной полемики по данному вопросу [38]); оправданным считают такой вывод также авторитетные представители цивилистической науки ближнего зарубежья (см., например, [22, с. 23–24]). В пользу этого ранее свидетельствовала позиция высших судебных инстанций РФ, а именно положение абз. 1 п. 38 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации и Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации (далее – ВАС РФ) от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», в котором указывалось: приобретатель признаётся добросовестным, *если докажет* (курсив наш. – Ю.В.), что при совершении сделки он не знал и не должен был знать о неправомерности отчуждения имущества продавцом, в частности принял все разумные меры для выяснения правомочий продавца на отчуждение имущества (ППВСВАС).

Однако с принятием Постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 абз. 1 п. 38 Постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 был признан не подлежащим применению (см. п. 133 ППВС). Тем самым Верховный суд РФ подтвердил распространение презумпции добросовестности и на виндикационные отношения. В данной связи безусловно убедительны будут возражения, что в каждом отдельном случае суд может перераспределить бремя доказывания. Современная судебная практика знает немало таких примеров (наиболее громкие либо показательные из них неоднократно приводились и в юридической литературе⁸), однако нетрудно

⁷ Мы разделяем позицию тех учёных, которые включают в содержание виндикационного правоотношения только право требования виндиканта и юридическую обязанность фактического владельца вернуть имущество; что касается обязанности собственника возместить необходимые затраты (соответственно, прав владельца требовать от собственника возмещения произведённых им необходимых затрат на имущество и затрат на неотделимые улучшения), то они входят в содержание самостоятельного деликтного обязательства (см., например, [37, с. 43]).

⁸ Например, дело «Кировского завода», в рамках рассмотрения которого Президиум ВАС РФ расценил нераскрытие генеральным директором акционерам информации об условиях взаимосвязанных сделок как сокрытие информации, указав, что данные обстоятельства не позволяют применить к ответчику презумпцию добросовестности и переносят на него бремя доказывания (ППрВАС № 12505/11); в обоснование тезиса об особенностях возложения бремени доказывания в корпоративной сфере названное дело в качестве иллюстрации приводит, в частности, И.С. Шиткина [39]. Другой пример – Постановление Президиума ВАС РФ от 26 марта 2013 г. № 14828/12 (ППрВАС № 14828/12), в котором сформулирована правовая позиция относительно ситуаций, ёмко обобщённых Е.А. Сухановым, а именно таких, как «учреждение самостоятельных юридических лиц (в том числе офшорных компаний) исключительно с целью создания видимости добросовестного приобретения ими имущества, например недвижимости. В этих случаях бремя доказывания своей добросовестности (т. е. знания или незнания об отсутствии у отчуждателя вещи необходимых правомочий) возлагается на такое

заметить, что касаются они споров с участием юридических лиц. В плане же защиты собственников-граждан представляется, что рассматривающие такие дела суды общей юрисдикции, скорее всего (в том числе в силу их колоссальной загруженности), изберут линию наименьшего сопротивления, последовав по тому магистральному направлению, которое им предопределил своим небесспорным в интересующей нас части Постановлением № 25 Пленум Верховного суда РФ.

Резюмируем: критически проанализировав норму ГК РФ, закрепляющую презумпцию добросовестности участников гражданских правоотношений, мы склоняемся к выводу о том, что внесённые в неё в декабре 2012 г. и вступившие в действие 1 марта 2013 г. законодательные изменения *лишь создают видимость расширения пределов действия данной презумпции*. Сохранение (оставление) правила о презумпции добросовестности в рамках ст. 10 ГК РФ, устанавливающей пределы осуществления гражданских прав, даёт основания *усомниться как в общем характере этой презумпции в гражданском праве в целом, так и в обоснованности распространения её на случаи vindикации в частности*. Впрочем, позиция ВС РФ по данному вопросу, как можно заключить, является иной.

2. В контексте вопроса о сфере действия презумпции добросовестности в российском праве нельзя обойти молчанием значительный массив научных работ по налоговому праву, в которых также рассматривается данная презумпция. В них, в частности, упоминается норма п. 7 ст. 3 Налогового кодекса РФ, согласно которой все неустраиваемые сомнения, противоречия и неясности актов законодательства о налогах и сборах толкуются в пользу налогоплательщика (плательщика сбора, плательщика страховых взносов, налогового агента) (НК РФ), и со ссылкой на разъяснения Конституционного суда Российской Федерации (а именно ОКС № 138-О, ОКС № 329-О, ОКС № 441-О) отмечается, что в сфере налоговых отношений действует *презумпция добросовестности налогоплательщиков* (см., например, [40–44]).

Безусловно, гражданско-правовой данная презумпция названа быть не может. Однако, учитывая теснейшую связь налоговых и гражданско-правовых отношений⁹, а также то, что в подавляющем большинстве случаев один и тот же субъект (физическое, юридическое лицо) одновременно выступает участником и гражданского, и налогового правоотношения (как правило, сопряжённого с гражданским, вытекающего из него)¹⁰, на наш взгляд, можно говорить об имеющейся

юридическое лицо – приобретателя, в том числе путём обзаведения его раскрыть информацию о своём конечном выгодоприобретателе (который может быть аффилированным или даже совпадать с неуправомоченным отчуждателем), поскольку такая ситуация может свидетельствовать о злоупотреблении правом, влекущим отказ в его защите» [26, § 2 гл. 8 разд. IV] (см. также [24, с. 116–117]).

⁹ Это проявляется хотя бы в том, что налоговая политика и вопросы налогообложения зачастую непосредственно обуславливают поведение участников гражданских правоотношений, не только влияя на выбор ими, например, организационно-правовых форм предпринимательства либо вида заключаемого договора, но и, увы, выступая причиной обхода закона (см. [45, с. 48–49]). При этом как обход закона в гражданском праве квалифицируются действия, связанные со скрытой (подпольной) экономикой, в рамках которой обращаются блага, не ограниченные в обороте, поэтому ответственность наступает не за собственно оборот, а за сопутствующее этому обороту неисполнение обязательств (уклонение от уплаты налогов, взносов и иных обязательных платежей) (см. [46, с. 594, 604]).

¹⁰ Уместно привести авторитетное замечание М.Ю. Чельшева, который правовой предпосылкой взаимодействия гражданского и налогового права считал то, что, «сосуществуя в рамках единой системы права»,

системной связи презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений с презумпцией добросовестности налогоплательщиков: логично предположить, что добросовестный участник гражданско-правовых отношений является и добросовестным налогоплательщиком. В конечном счёте отмеченная связь детерминирована фактическим единством той социальной сферы, в которой действуют субъекты соответствующих отношений: и участники гражданско-правовых отношений, и налогоплательщики – это *субъекты системы гражданского оборота* как сферы имущественного обращения, подверженной правовому регулированию со стороны не только гражданского права, но и норм иных отраслей, в том числе налогового¹¹.

Учитывая изложенное, считаем необходимым рассматривать презумпцию добросовестности с более широких – межотраслевых – позиций, именуя её при таком подходе *презумпцией добросовестности субъектов (участников) гражданского оборота*. Помимо прочего (достижения терминологического единства образия российских законов, использования специалистами в области публичного права соответствующих обширных наработок цивилистической науки и практики), предлагаемое понимание презумпции добросовестности подразумевает единство правовой государственной политики в части нормативной регламентации гражданского оборота как социального феномена, что, в свою очередь, означает *системное совершенствование положений отдельных отраслей права и законодательства*, а также *унификацию подходов* к интерпретации и практической реализации презумпции добросовестности при разрешении гражданско-правовых и налоговых споров.

Источники

- ОГЗ – Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик: утв. ВС СССР 31 мая 1991 г. № 2211-1 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1991. – № 26. – Ст. 733.
- 302-ФЗ – Федеральный закон от 30 дек. 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). – 2012. – № 53 (ч. I). – Ст. 7627.
- ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1: Федеральный закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; Федеральный закон от 29 дек. 2017 г. № 459-ФЗ // СЗ РФ. – 2018. – № 1 (ч. I). – Ст. 43.
- ФГК – Code civil. – URL: <http://legifrance.gouv.fr/affichCode.do?dateTexte=20150924&cidTexte=LEGITEXT000006070721>, свободный.
- ГК РБ – Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 дек. 1998 г. № 218-3. – URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30415161#pos=35;-754, свободный.

они «вызывают необходимость для одних и тех же субъектов (курсив наш. – Ю.В.) строить своё поведение, руководствуясь нормами обоих правовых образований, и регулируют, хотя и различными приёмами, отношения собственности» [47, с. 13].

¹¹ Так, ещё в 2006 г. Пленум Высшего арбитражного суда РФ указал, что судебная практика разрешения налоговых споров исходит из презумпции добросовестности налогоплательщиков и *иных участников правоотношений в сфере экономики* (курсив наш. – Ю.В.) (п. 1 ППВАС). Данное положение воспроизводится в судебных решениях и в настоящее время (см., например, ОВС, ППААС, РАСРО), в том числе в одном логическом ряду (в одном абзаце) со ссылкой на презумпцию добросовестности участников гражданских правоотношений (см., например, РАСИО).

- ППВС – Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюл. Верхов. Суда РФ. – 2015. – № 8.
- ППВСВАС – Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апр. 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Вестн. Высш. Арбитраж. Суда РФ. – 2010. – № 6.
- ППрВАС № 12505/11 – Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 6 марта 2012 г. № 12505/11 по делу № А56-1486/2010 // Вестн. Высш. Арбитраж. Суда РФ. – 2012. – № 6.
- ППрВАС № 14828/12 – Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 26 марта 2013 г. № 14828/12 по делу № А40-82045/11-64-444. – URL: http://arbitr.ru/bras.net/f.aspx?id_casedoc=1_1_2716bdca-e4ae-48a2-8622-8bfb40ed03f8, свободный.
- НК РФ – Налоговый кодекс Российской Федерации. Ч. 1: Федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102054722&gdk=>, свободный.
- ОКС № 138-О – Определение Конституционного Суда РФ от 25 июля 2001 г. № 138-О «По ходатайству Министерства Российской Федерации по налогам и сборам о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 12 октября 1998 года по делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 11 Закона Российской Федерации “Об основах налоговой системы в Российской Федерации”» // Вестн. Конституц. Суда РФ. – 2002. – № 2.
- ОКС № 329-О – Определение Конституционного Суда РФ от 16 окт. 2003 г. № 329-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью “Экспорт-Сервис” на нарушение конституционных прав и свобод положениями абзаца первого пункта 4 статьи 176 Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45176/, свободный.
- ОКС № 441-О – Определение Конституционного Суда РФ от 4 дек. 2003 г. № 441-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью “Нива-7” на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 2 статьи 20, пунктами 2 и 3 статьи 40 Налогового кодекса Российской Федерации» // Вестн. Конституц. Суда РФ. – 2004. – № 3.
- ППВАС – Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12 окт. 2006 г. № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой льготы» // Вестн. Высш. Арбитраж. Суда РФ. – 2006. – № 12.
- ОВС – Определение Верховного Суда РФ от 10 окт. 2016 г. № 309-КГ16-10785. – URL: <http://ras.arbitr.ru>, свободный.
- ППААС – Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 17 янв. 2018 г. по делу № А24-3334/2017. – URL: <http://ras.arbitr.ru>, свободный.
- РАСРО – Решение Арбитражного суда Рязанской области от 1 дек. 2017 г. по делу № А54-4588/2017. – URL: <http://ras.arbitr.ru>, свободный.
- РАСИО – Решение Арбитражного суда Иркутской области от 3 авг. 2017 г. по делу № А19-3929/17. – URL: <http://ras.arbitr.ru>, свободный.

Литература

1. Проблемы юридической техники / Под ред. В.М. Баранова. – Н. Новгород, 2000. – 823 с.
2. Кузнецова О.А. Презумпции в российском гражданском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2002. – 23 с.
3. Татарников А.В. Принципы разумности и добросовестности в гражданском праве России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – 30 с.
4. Основные начала российского и французского права / Под ред. Г.А. Есакова, Н. Мазека, Ф. Мелэн-Сукраманьяна. – М.: Проспект, 2012. – 424 с.
5. Дерюгина Т.В. Пределы осуществления гражданских прав. – М.: Зерцало-М, 2010. – 246 с.
6. Волков А.В. Теория концепции «Злоупотребление гражданскими правами». – Волгоград: Станица-2, 2007. – 343 с.
7. Мосин С.А. Презумпции и принципы в конституционном праве Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – 22 с.
8. Российское гражданское право: в 2 т. / Отв. ред. Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2011. – Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. – 957 с.
9. Гражданское право: в 3 т. / Под ред. Ю.К. Толстого. – М.: Проспект, 2013. – Т. 1. – 784 с.
10. Асланян Н.П. Основные начала российского частного права. – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2001. – 270 с.
11. Бабаев В.К. Презумпции в советском праве. – Горький: Изд-во ГВШ МВД СССР, 1974. – 122 с.
12. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. – М.: Статут, 1999. – 710 с.
13. Пронина М.П. Презумпции в современном российском праве / Под ред. А.П. Кузнецова. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 148 с.
14. Чечина Н.А. Норма права и судебное решение. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1961. – 78 с.
15. Давыдова М.Л. Правовые презумпции в системе средств юридической техники // Юрид. техника. – 2010. – № 4. – С. 159–170.
16. Пронина М.П. Презумпции в современном российском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2010. – 29 с.
17. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестн. граждан. права. – 1916. – № 6. – С. 56–90.
18. Дроздова Т.Ю. Добросовестность в российском гражданском праве. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2006. – 151 с.
19. Белов В.А. К вопросу о недобросовестности налогоплательщика: критический анализ правоприменительной практики. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 87 с.
20. Желёв А.А. Добросовестность при исполнении обязательства. – М.: Инфотропик Медиа, 2011. – 103 с.
21. Мазур О.В. Требование разумности в соотношении с требованием добросовестности в гражданском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2012. – 23 с.
22. Сулейменов М.К. Добросовестность в гражданском праве: проблемы теории и практики // Добросовестность в гражданском праве: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. в рамках ежегод. цивилист. чтений, посвящ. 20-летию Гражданского кодекса

- Республики Казахстан (Алматы, 22–23 мая 2014 г.) / Отв. ред. М.К. Сулейменов. – Алматы, 2014. – С. 9–37.
23. Дёмкина А.В. Добросовестность лица и достоверность данных реестра юридических лиц // Гражданское право. – 2017. – № 4. – С. 9–12.
 24. Принципы гражданского права и их реализация / Под ред. Т.П. Подшивалова, Г.С. Демидовой. – М.: Проспект, 2017. – 351 с.
 25. Богданов Е. Категория «добросовестности» в гражданском праве // Рос. юстиция. – 1999. – № 9. – URL: <https://www.lawmix.ru/comm/7407>, свободный.
 26. Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. – М.: Статут, 2017. – 560 с.
 27. Саурин А.А. Право собственности в Российской Федерации: конституционно-правовые пределы реализации и ограничения. – М.: Статут, 2014. – 351 с.
 28. Четвертакова Е.С. Судейское усмотрение при определении разумности и соразмерности судебных издержек в арбитражном процессе // Судья. – 2016. – № 8. – С. 48–53.
 29. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1–5 / Под ред. Л.В. Санниковой. – М.: Статут, 2015. – 662 с.
 30. Белов В.А. Что изменилось в гражданском кодексе? – М.: Юрайт, 2016. – 227 с.
 31. Голубцов В.Г. Принцип добросовестности как элемент правового механизма стимулирования должника к надлежащему исполнению обязательств и гарантирования интересов кредиторов: анализ судебно-арбитражной практики // Вестн. Перм. ун-та. Юрид. науки. – 2016. – № 2. – С. 175–184. – doi: 10.17072/1995-4190-2016-32-175-184.
 32. Липовцева Д.А. Злоупотребление правом, или «Последствия» первого блока поправок в ГК // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 11. – С. 144–149.
 33. Гаврилов Э.П. Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ и интеллектуальные права // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. – 2013. – № 4. – С. 14–23.
 34. Жукова Ю.Д. Применение презумпции добросовестности при установлении оснований ответственности руководителя хозяйственного общества // Безопасность бизнеса. – 2012. – № 3. – С. 20–22.
 35. Ульянов А.В. Добросовестность в гражданском праве // Журн. рос. права. – 2014. – № 6. – С. 133–140.
 36. Новосёлова А.А., Подшивалов Т.П. Вещные иски: проблемы теории и практики. – М.: ИНФРА-М, 2014. – 279 с.
 37. Лоренц Д.В. Виндикация: юридическая природа и проблемы реализации. – М.: ИНФРА-М, 2011. – 164 с.
 38. Мурзин Д.В. К вопросу о презумпции недобросовестности ответчика по виндикационному иску // Вестн. Высш. Арбитраж. Суда РФ. – 2007. – № 4. – С. 50–62.
 39. Шиткина И.С. Гражданско-правовая ответственность членов органов управления хозяйственных обществ: классическая доктрина и современные тенденции правоприменения // Хозяйство и право. – 2013. – № 3. – С. 3–18.
 40. Анищенко А.В. Тщательность – основа успеха // НДС: проблемы и решения. – 2017. – № 5. – С. 23–30.
 41. Голева Е.В. Налоговая ответственность при сделках с «проблемными» контрагентами: противоречия судебной практики // Налоги. – 2016. – № 5. – С. 11–15.
 42. Долгополов О.И. Проблемы толкования налогового законодательства // СПС КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJ&n=107410#070_59861010994688.

43. *Крусс В.И.* Конституционализация фискально-экономических обязанностей в Российской Федерации. – М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2017. – 303 с.
44. *Орлова Е.* Необоснованная налоговая выгода – 11 лет спустя // Налог. вестн. – 2017. – № 9. – С. 33–50.
45. *Виниченко Ю.В.* К вопросу о причинах обхода закона // Защита частных прав: проблемы теории и практики: Материалы V ежегод. междунар. науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 21 мая 2016 г.) / Под ред. Н.П. Асланян, Ю.В. Виниченко. – Иркутск: Изд-во БГУ, 2017. – С. 44–50.
46. *Быков С.С., Киреенко А.П., Невзорова Е.Н.* Уголовно-правовая реакция на проявления теневой экономики: границы, характер и направления совершенствования // Криминолог. журн. Байкал. гос. ун-та экономики и права. – 2015. – Т. 9, № 3. – С. 591–607. – doi: 10.17150/1996-7756.2015.9(3).591-607.
47. *Чельшев М.Ю.* Взаимодействие гражданского и налогового права в регулировании отношений с участием предпринимателей. – М.: Статут, 2014. – 160 с.

Поступила в редакцию
12.02.18

Виниченко Юлия Варзатовна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса

Байкальский государственный университет
ул. Ленина, д. 11, г. Иркутск, 664003, Россия
E-mail: juvinichenko@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2018, vol. 160, no. 2, pp. 285–301

About the Presumption of Good Faith in the Russian Law

Yu. V. Vinichenko

Baikal State University, Irkutsk, 664003 Russia
E-mail: juvinichenko@mail.ru

Received February 12, 2018

Abstract

The paper discusses debatable issues related to the interpretation and implementation of the presumption of good faith. The purpose of the study is to form an idea of the content, sphere of application of the presumption of good faith in the Russian law, as well as about its correlation with the principle of good faith. The methods used to fulfill the above-stated purpose are formal-logical, comparative, dogmatic, functional approaches.

As a result of the study, the doctrinal approaches to the understanding of the presumption of good faith and to the definition of its content have been identified. The norm of the Civil Code of the Russian Federation, which establishes the presumption of good faith of participants in civil legal relationship, and the related explanations of the highest judicial instances of Russia have been assessed. The following conclusions have been made: 1) it is necessary to distinguish between the presumption of good faith of participants in the civil legal relationship and the principle of good faith; 2) placement of the rule on the presumption of good faith in Art. 10 of the Civil Code of the Russian Federation gives grounds to doubt the general nature of this presumption in the civil law and the validity of its spread to cases

of vindication; 3) the presumption of good faith must be considered from interbranch positions – as a the presumption of good faith of the subjects of civil circulation.

The results obtained are of great importance for the uniform interpretation and application of the presumption of good faith in resolving the emerging conflicts of subjects, including civil-law and tax disputes, as well as to realize the need for a systems approach to resolving issues of the regulatory regulation of civil circulation.

Keywords: good faith, legal presumptions, presumption of good faith, principle of good faith, presumption of good faith of participants in civil legal relationship, art. 10 of Civil Code of Russian Federation, vindication, presumption of good faith of taxpayers, civil circulation, presumption of good faith of civil circulation's subjects

References

1. *Problemy yuridicheskoi tekhniki* [Problems of Legal Writing]. Baranov V.M. (Ed.). Nizhny Novgorod, 2000. 823 p. (In Russian)
2. Kuznetsova O.A. Presumptions in the Russian civil law. *Extended Abstract of Cand. Leg. Sci. Diss.* Yekaterinburg, 2002. 23 p. (In Russian)
3. Tatarnikov A.V. Reasonableness and good faith principles in the Russian civil law. *Extended Abstract of Cand. Leg. Sci. Diss.* Moscow, 2010. 30 p. (In Russian)
4. *Osnovnye nachala rossiiskogo i frantsuzskogo prava* [Main Origins of the Russian and French Law]. Esakov G.A., Mazek N., Melin-Soucramanien F. (Eds.). Moscow, Prospekt, 2012. 424 p. (In Russian)
5. Deryugina T.V. *Predely osushchestvleniya grazhdanskikh prav* [Limitations on the Exercise of Civil Rights]. Moscow, Zertsalo-M, 2010. 246 p. (In Russian)
6. Volkov A.V. *Teoriya kontseptsii "Zlupotreblenie grazhdanskimi pravami"* [The Theory of the Conception "Abuse of Civil Rights"]. Volgograd, Stanitsa-2, 2007. 343 p. (In Russian)
7. Mosin S.A. Presumptions and principles in the Constitutional law of the Russian Federation. *Extended Abstract of Cand. Leg. Sci. Diss.* Moscow, 2007. 22 p. (In Russian)
8. *Rossiiskoe grazhdanskoe pravo* [Russian Civil Law]. Sukhanov E.A. (Ed.). Vol 1.: General Part. Inheritance Law. Intellectual Property Laws. Personal Non-Property Rights. Moscow, Statut, 2011. 957 p. (In Russian)
9. *Grazhdanskoe parvo* [Civil Law]. Vol. 1. Tolstoi Yu.K. (Ed.). Moscow, Prospekt, 2013. 784 p. (In Russian)
10. Aslanyan N.P. *Osnovnye nachala rossiiskogo chastnogo prava* [Main Origins of the Russian Private Law]. Irkutsk, Izd. IGEA, 2001. 270 p. (In Russian)
11. Babaev V.K. *Prezumpcii v sovetskom prave* [Presumptions in the Soviet Law]. Gorky, Izd. GVSh MVD SSSR, 1974. 122 p. (In Russian)
12. Alekseev S.S. *Pravo: azbuka – teoriya – filosofiya. Opyt kompleksnogo issledovaniya* [Law: ABC – Theory – Philosophy. Attempt of Complex Research]. Moscow, Statut, 1999. 710 p. (In Russian)
13. Pronina M.P. *Prezumpcii v sovremennom rossiiskom prave* [Presumptions in Today's Russian Law]. Kuznetsov A.P. (Ed.). Moscow, Yurlitinform, 2011. 148 p. (In Russian)
14. Chechina N.A. *Norma prava i sudebnoe reshenie* [Legal Standard and Court Judgement]. Leningrad, Izd. Leningr. Univ., 1961. 78 p. (In Russian)
15. Davydova M.L. Legal presumptions in the system of legal writing measures. *Yuridicheskaya Tekhnika*, 2010, no. 4, pp. 159–170. (In Russian)
16. Pronina M.P. Presumptions in the contemporary Russian law. *Extended Abstract of Cand. Leg. Sci. Diss.* Nizhny Novgorod, 2010. 29 p. (In Russian)
17. Novitskii I.B. Good faith principle in the project of law of obligation. *Vestnik Grazhdanskogo Prava*, 1916, no. 6, pp. 56–90. (In Russian)
18. Drozdova T.Yu. *Dobrosovestnost' v rossiiskom grazhdanskom prave* [Good Faith in the Russian Civil Law]. Irkutsk, Izd. BGUEP, 2006. 151 p. (In Russian)
19. Belov V.A. *K voprosu o nedobrosovestnosti nalogoplatel'shchika: kriticheskii analiz pravoprimenitel'noi praktiki* [On the Issue of Bad Faith of the Taxpayer: Critical Analysis of Legal Practice]. Moscow, Volters Kluver, 2006. 87 p. (In Russian)

20. Zhgulev A.A. *Dobrosovestnost' pri ispolnenii obyazatel'stva* [Good Faith in Obligation Performance]. Moscow, Infotropik Media, 2011. 103 p. (In Russian)
21. Mazur O.V. The requirement of reasonableness in relation to the requirement of good faith in the civil law. *Extended Abstract of Cand. Leg. Sci. Diss.* St. Petersburg, 2012. 23 p. (In Russian)
22. Suleimanov M.K. Good faith in civil law: Problems of theory and practice. *Dobrosovestnost' v grazhdanskom prave: Materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. v ramkakh ezhgod. tsivilist. chtenii posvyashch. 20-letiyu Grazhdanskogo kodeksa Respubliki Kazakhstan (Almaty, 22–23 maya 2014 g.)* [Good Faith in Civil Law: Proc. Int. Sci.-Prakt. Conf. within the Framework of the Annual Civil Readings Dedicated to the 20th Anniversary of the Civil Code of the Republic of Kazakhstan (Almaty, May 22–23, 2014)]. Suleimanov M.K. (Ed.). Almaty, 2014, pp. 9–37. (In Russian)
23. Demkina A.V. Fairness of individual and reliability of data in register of legal entities. *Grazhdanskoe Pravo*, 2017, no. 4, pp. 9–12. (In Russian)
24. *Printsipy grazhdanskogo prava i ikh realizatsiya* [Civil Law Principles and Their Realization]. Podshvalov T.P., Demidova G.S. (Eds.). Moscow, Prospekt, 2017. 351 p. (In Russian)
25. Bogdanov E. The category of “good faith” in civil law. *Rossiiskaya Yustitsiya*, 1999, no. 9. Available at: <https://www.lawmix.ru/comm/7407>.
26. Sukhanov E.A. *Veshchnoe pravo: nauchno-poznavatel'nyi ocherk* [Law of Property: Scientific and Educational Essay]. Moscow, Statut, 2017. 560 p. (In Russian)
27. Saurin A.A. *Pravo sobstvennosti v Rossiiskoi Federatsii: konstitutsionno-pravovye predely realizatsii i ogranicheniya* [Right of Property in the Russian Federation: Constitutional and Legal Limits of Realization and Restrictions]. Moscow, Statut, 2014. 351 p. (In Russian)
28. Chetvertakova E.S. Judicial discretion when defining the reasonableness and proportionality in sentencing in the arbitral procedure. *Sud'ya*, 2016, no. 8, pp. 48–53. (In Russian)
29. *Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii. Postateinyi kommentarii k glavam 1–5* [Civil Code of the Russian Federation. Paragraph-to-Paragraph Commentary to Chapters 1–5]. Sannikova L.V. (Ed.). Moscow, Statut, 2015. 662 p. (In Russian)
30. Belov V.A. *Chto izmenilos' v grazhdanskom kodekse?* [What Changed in the Civil Code?]. Moscow, Yurait, 2016. 227 p. (In Russian)
31. Golubtsov V.G. The principle of good faith as an element of the legal mechanism for stimulation of a debtor to appropriate execution of obligations and safeguarding the interests of creditors: Analysis of litigation and arbitration background. *Vestnik Permskogo Universiteta. Yuridicheskie Nauki*, 2016, no. 2, pp. 175–184. doi: 10.17072/1995-4190-2016-32-175-184.
32. Lipovtseva D.A. Abuse of right or the “consequences” of the first set of amendments to the Civil Code. *Aktual'nye Problemy Rossiiskogo Prava*, 2015, no. 11, pp. 144–149. (In Russian)
33. Gavrilov E.P. Federal law of December 30, 2012 no. 302-FZ and intellectual rights. *Patenty i Liitsenzii. Intellektual'nye Prava*, 2013, no. 4, pp. 14–23. (In Russian)
34. Zhukova Yu.D. Implementation of presumption of conscientiousness in finding of reasons of responsibility of company's chief. *Bezopasnost' Biznesa*, 2012, no. 3, pp. 20–22.
35. Ul'yanov A.V. Good faith in civil law. *Zhurnal Rossiiskogo Prava*, 2014, no. 6, pp. 133–140. (In Russian)
36. Novoselova A.A., Podshivalov T.P. *Veshchnye iski: problemy teorii i praktiki* [Property Suits: Problems of Theory and Practice]. Moscow, INFRA-M, 2014. 279 p. (In Russian)
37. Lorents D.V. *Vindikatsiya: yuridicheskaya priroda i problemy realizatsii* [Vindication: Legal Nature and Problems of Implementation]. Moscow, INFRA-M, 2011. 164 p. (In Russian)
38. Murzin D.V. On the problem of the presumption of bad faith defendant in a vindictory action. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF*, 2007, no. 4, pp. 50–62. (In Russian)
39. Shitkina I.S. Civil liability of members of the management bodies of business entities: Classical doctrine and current trends of enforcement. *Khozyaistvo i Pravo*, 2013, no. 3, pp. 3–18. (In Russian)
40. Anishchenko A.V. Accuracy as the basis of success. *NDS: Problemy i Resheniya*, 2017, no. 5, pp. 23–30. (In Russian)
41. Goleva E.V. Tax liability in transactions with “problematic” contractors: Contradictions in judicial practice. *Nalogi*, 2016, no. 5, pp. 11–15. (In Russian)

42. Dolgoplov O.I. Problems of interpreting the law of taxation. *SPS Konsul'tant-Plyus*. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=107410#07059861010994688>. (In Russian)
43. Kruss V.I. *Konstitutsionalizatsiya fiscal'no-ekonomicheskikh obyazannostei v Rossiiskoi Federatsii* [Constitutionalization of Fiscal and Economic Obligations in the Russian Federation]. Moscow, NORMA, INFRA-M, 2017. 303 p. (In Russian)
44. Orlova E. Unjustified tax benefit – 11 years later. *Nalogovyi Vestnik*, 2017, no. 9, pp. 33–50. (In Russian)
45. Vinichenko Yu.V. On the reasons for avoidance of law. *Zashchita chastnykh prav: problem teorii i praktiki: Materialy V ezhegod. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Irkutsk, 21 maya 2016 g.)* [Protection of Individual Rights: Problems of Theory and Practice. Proc. V Annu. Int. Sci.-Pract. Conf. (Irkutsk, May 21, 2016)]. Aslanyan N.P., Vinichenko Yu.V. (Eds.). Irkutsk, Izd. BGU, 2017, pp. 44–50. (In Russian)
46. Bykov S.S., Kireenko A.P., Nevzorova E.N. Criminal law's reaction to shadow economy: Borders, character, and areas for improvement. *Kriminologicheskii Zhurnal Baikal'skogo Gosudarstvennogo Universiteta Ekonomiki i Prava*, 2015, vol. 9, no. 3, pp. 591–607. doi: 10.17150/1996-7756.2015.9(3).591-607. (In Russian)
47. Chelyshev M.Yu. *Vzaimodeistvie grazhdanskogo i nalogovogo prava v regulirovanii otnoshenii s uchastiem predprinimatelei* [The Interaction of Civil and Tax Law in the Regulation of Relations with the Participation of Entrepreneurs]. Moscow, Statut, 2014. 160 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Виниченко Ю.В. О презумпции добросовестности в российском праве // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2018. – Т. 160, кн. 2. – С. 285–301. ⟩

⟨ **For citation:** Vinichenko Yu.V. About the presumption of good faith in the Russian law. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2018, vol. 160, no. 2, pp. 285–301. (In Russian) ⟩